

Василий Иванович Немирович- Данченко

Лопари

В. И. Немирович-Данченко родился в Тифлисе, в семье офицера; учился в Кадетском корпусе. Результатом его частых путешествий по России и зарубежным странам стали многочисленные художественно-этнографические очерки. Немирович-Данченко был военным корреспондентом на трех последних войнах Российской империи — на русско-турецкой войне 1877–1878 гг., на русско-японской войне и на первой мировой войне. Русской армии посвящено много его художественных и документальных произведений, но наибольшую популярность у читателя он приобрел как автор развлекательных исторических романов («Королева в лохмотьях» и т. п.). Накануне революции вышло его неполное собрание сочинений в 50 томах.

Свою жизнь писатель закончил в эмиграции, в Праге.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Лопари**

Отдаленнейшая окраина Архангельской губернии, Кольский полуостров издавна населен был лопарями — кочевым племенем финского корня. Название свое, лапландцев, они получили со времен историка Заксо, жившего между ними в 1190 г.; прежде они назывались сирит-финами. Если история других инородческих рас нашего севера, в первые времена заселение занимаемых ими земель, представляет какой-либо интерес, то этого нельзя сказать о лопарях. Прошлое их — неизвестно. По всей вероятности, они были первыми обитателями холодных пустынь европейского севера. Предание их далеко не бесцветны. Они не воплощают мифа о борьбе с стихийными силами, присущими каждому народу, одаренному творчеством поэтического ясновидения, но зато поэтическими чертами передают эпизоды борьбы своей с сказочною чудью. Бледные и жалкие сказание о злых духах, имеющих весьма отдаленное сходство с гениями зла других финских племен — составляют все содержание небогатого эпоса норвежских лопарей. Печальная родина лопарей издавна пугала население более

умеренных стран. Здесь, в царстве вечной зимы и вечных бурь, в самой ужасной глуши Гиперборейской Скифии, по мнению греков, жили сказочные чудовища; даже народы скандинавского корня, населяющее утрюмые и холодные горы Норвегии, считали наш Кольский полуостров недоступною смертным областью великанов и злых духов, которые, как неопределенные фантомы утреннего тумана, встают и реют над этою областью сумрака и безлюдья. Первыми более или менее цивилизованными колонизаторами лопской земли — были ушкуйники, эти смелые авантюристы Господина Великого Новгорода. Они проникли сюда в отдаленнейшую старину. Так, еще в 1264 году они формальным договором утвердили за собою владение Лопью. Нужно заметить, что последняя в то время еще не ограничивалась пределами Кольского полуострова. Лопари кочевали и в нынешнем Поморье, откуда их выгнали новгородцы, не особенно стеснявшиеся в способах приобретения новых промысловых урочищ. Уже впоследствии оказалось, что земля лопская далеко не так сурова и негостеприимна, какою

она являлась в первоначальных сказаниях.

Дикие и печальны картины лапландского севера. Тут не на чем остановиться взгляду случайного путника. Мрачные массы серого гранита взгромоздились одни на другие, как будто все это каменное море мгновенно застыло в разгаре хаотической бури. Каменные скалистые берега отвесно падают вниз, словно преграждая волнам полярного океана доступ в эти сумрачные, холодные пустыни. Одинокое озеро, закованное в неразрывные цепи могучих утесов, отражает, в своих покойных гладях зеленеющие островки. Изредка нарушает их покой — громкий голос отважного промышленника, закидывающего здесь свои сети... Глушь и безлюдье охватывают душу неопределенною, необъяснимою тоскою... Кое-где из этого, словно исполинскою бороною изрытого, гранитного простора, поднимаются серые горы, покрытые желтыми полосами сыпучего песку. Они возвышаются вдоль всего северного побережья, словно окаймляя его мертвые неподвижные пространства. Кое-где из черных расщелин треплется по ветру жалкая былинка; приземистая

береза ютится в понизье под защитою отвесного утеса, да на плешивых верхушках случайных холмов поднимаются хилые сосны, беспомощно протянув свои ветви на дальний юг; северная сторона ствола лишена ветвей. Тут, в этом подавляющем царстве севера, в уединенных глухих становищах, на берегу Ледовитого океана, осели бедны колонии русских и финляндских переселенцев. Изобилие удобных бухт, никогда не замерзающее море и рыбное богатство вод его — обуславливают в будущем значительный рост этого берега.

В средних и южных частях земли лопской, климат несколько умереннее. Тут тянутся на громадное пространство глухие дебри, сплошь поросшие сосною, березою и елью. Низменности пестреют яркими ягодными коврами. Морошка и другие растение этого рода — усеяли влажную почву кольских пустырей, составляя главный питательный материал для местного населения. Все остальные места Лапландии поросли белым ягелем (исландский мох).

Медведи, волки, песцы, лисицы, горностаи и олени кишмя кишат в этих частях полуост-

рова, словно вознаграждая его за поразительное отсутствие жизни на северном побережье. До восьмисот озер раскинули свои зеркальные глади в этой части нашего отдаленного края. Между ними есть весьма значительные. Так, например, Имандра занимает пространство 90 верст в длину и 40 в ширину. Ковдо, Пяво, Конбо, Нуот — самые большие озера этой страны. В противоположность озерам крайнего севера, здесь, словно тихие обители вечного мира и покоя, поднимаются тысячи островков, из которых каждый, если бы его перенести поближе к Петербургу, стал бы любимейшим местом общественных прогулок. То утесистые, то лесистые, то низменные, эти клочки твердой земли посреди водного простора приятно разнообразят несколько утомительное величие полярных пейзажей. В самых озерах водится вкусная рыба, ловлею которой неутомимо занимаются лопари, единственные властители этого бездорожного малолюдья. Берега озер раскидываются тысячами самых прихотливых, самых неожиданных изгибов. Целые системы рек и речек соединили озера в один водный бассейн. Это

словно ассоциация нервов с их узлами. Так переплелись между собою водные пути этого края. Некоторые из этих рек, выходя из срединных озер, вливаются в Беломорье и в Ледовитый океан. Все они усеяны великолепными порогами, в которых быстрое течение то образует сверкающие алмазным блеском водопады, то хаотические бесформенные толчеи, преграждающие судам доступ внутрь лопской земли. Устья этих рек расположены по ровным береговым отлогостям, вдоль каменистых ущелий, грандиозное величие которых напоминает романтическую обстановку байроновского Манфреда. Здесь производится обширный семужий лов заколами, доставляющий лопарям немалые барыши.

Громадный стада диких и домашних оленей пасутся на этом необозримом просторе. В некоторых реках еще и поныне водятся, но уже в одиночку, когда то усердно истреблявшиеся для уплаты даней — выдры и бобры. Но более всего оживляют этот край бесчисленные стаи разной дичи, от гула и стрекота которой словно стон стоит над неисходными глациями лопского юго-востока. С озера на озе-

ро перелетают крикливые гуси и утки, залетные чайки крупных размеров вьются над светлыми водами озер и пенистыми быстринами реке и потоков. Гагары сплошь усеяли северные берега и принадлежащие Кольскому полуострову острова. Не смотря на дикое, ничем необъяснимое уничтожение гагачьих яиц поморскими бабами, гаги и до сих пор составляют одно из коренных богатств этого края. Мириады куропаток покрывают белую пеленою откосы каменистых гор и поверхность земли. Он на каждом шагу плодятся и множатся в лесах и понижьях полуострова. В недостигаемой синеве ясного неба, словно черные точки, висят над пустынным краем ястреба, челиги, кречеты и сокола. Еще в московскую старину, последние из Рюриковичей и, первые цари Великой и Малой России Романовы посылали сюда ватаги помытчиков за соколами для царской охоты. Одинокий путник, пересекающий потоки и озера нашей Лапландии, невольно изумится обилию всякой птицы на излюбленных ею местах этой глухой стороны. Молодые выводки гусей и уток, недвижно устилающие землю, словно дев-

ственный снег, белые куропатки — попадают-ся ему под ноги везде, куда он ни сунется. А там вдальеке, как стрела, промелькнет порою северный олень в недосягаемую чащу соснового леса или на понизь, поросшее ягелем. Но за то мелкая трава луговых пустынь не оживляется здесь веселым пением кузнечиков, шуршанием бесчисленных насекомых, к которым привык степняк средней и южной полосы России. Изредка только, лишенная роскоши ярких цветов, вяло порхает бабочка, едва шевеля крыльями, над зелеными кочками поемного луга.

В некоторых местах этого края, под влиянием местных священников, лопари делали опыты разведения картофеля, и неожиданный успех превзошел все их ожидания. У некоторых из них в 1870 г. кортофель родился сам — 10.

Долгая и морозная зима, влажное, сырое лето, осень холодная и дождливая — делают Кольский полуостров местом не совсем привлекательным для обитателя более умеренного края. С 12 мая по 9-е июня солнце здесь не сходит с горизонта, один непрерывный день

продолжается 57 суток. За то 52 дня тянется такая же непрерывная полярная ночь, озаряемая лишь сполохами. Не смотря на это, летом здесь бывают очень знойные дни. Солнце не заходит и греет очень сильно. В влажное время оно похоже на медно-красный щит, потонувший в тумане без зноя и света. Зимние ночи, озаряемые северным сиянием — великолепны.

Блуждающее синее пламя, словно от тысячи мерно колыхающихся факелов, опоясывает небо. Снопы его раскидываются по темному простору безвестных высей, кидая бледный свет на острые вершины утесов, на серебристые глади белых пустынь с обледеневшими озерами и снегом засыпанными островами и на свободный ото льда простор полярного моря. Невольно растет в душ чувство благоговейного ужаса перед этою стихийною силой, которая здесь как будто лежит еще в состоянии покоя, предшествовавшего великому моменту создания. Вся эта величавая, мертвая глушь словно ждет торжественного слова: «да будет свет!», что-бы воспрянуть к жизни и закипеть мириадами красок и зву-

КОВ.

Лопари, как выше замечено, принадлежать к народам финского корня. Они малы ростом, и норвежане на первый раз кажутся уродливыми. Длинные руки, короткие шеи, узкие глаза, выдавшиеся скулы далеки от того идеала красоты, который создало себе кавказское племя. На всем выражены лица их лежит какая-то странная, общая им всем тупость, которая еще усиливается манерою стричь волосы так, чтобы при прическе на лоб они оканчивались над самыми бровями.

Лопари — все христиане. Они были обращены еще в конце XVI столетия св. Федоритом и св. Трифоном. Последний, на Кольском полуострове, у реки Печенги, построил Печенгскую церковь, которая потом была обращена в монастырь, сожженный норвежцами.

Лопари не находятся в исключительном владении России. Некоторые из них кочуют в пределах Швеции и Норвегии. Одновременно с заселением этого края новгородскими ушкуйниками, норвежцы заняли всю страну от города Рероса на север до Варангер-Фьорда, занимаемую убогими дикарями. Последних сво-

бодных лопарей завоевали шведы в XIII столетии, покорив себе Остроботнию. Границ между тремя владениями никогда не существовало de facto. Лопари свободно переселялись из одного места в другое, не признавая никакого международного права, промышленя на чужой земле и только изредка платя за это небольшие дани. Таким образом, одному и тому же семейству приходилось при перекочевках платить подать и шведам, и норвежцам, и русским. Отсюда произошли лопари двоеданные и лопари троеданные. В прежнее время дань эта вносилась мехами, рыбою и соколами. Неимение точных и раз навсегда определенных границ, подавало повод к постоянным беспорядкам и злоупотреблениям.

Всех лопарей в настоящее время считается до 10,000 человек. Они заселяют те же пустыри Кольского полуострова и Норвегии, что и прежде, с тем различием, что в среди некоторых родов их являются первые задатки оседлости. Они исподоволь переселяются к местным погостам и осаживаются вокруг них в виде более или менее правильных поселков. Из них образованы отдельные волости, а у

кольских священников как-то даже воспитывались их дети. Русские лопари главным образом разделяются на две отрасли, терскую и мурманскую лопь. Первые населяют страну от острова Сосновца до Св. Носа. Вторые занимают северо-западную часть Лапландии. Погосты лопарские находятся вблизи речных и озерных урочищ, где они зимою ловят рыбу. Летом, оставляя свои постоянные поселки, лопари направляются к мурманскому берегу для ловли трески, палтусов, сайды, зубатки и прочих рыб из рода *Gadus*, составляющих главное богатство северных морей. В реках лопари устраивают заколы для добывания семги, которая при наступлении икромета, направляется против течение реке к их верховьям. Заколы принадлежать (за редкими исключениями) целым общинам, артелям лопарей, и в добыче промысла каждый член такой общины имеет свою долю. Впрочем, в настоящее время выгоднейшими из таких урочищ самовольно завладели колонисты — норвежцы и финляндцы.

Лопари живут в вежах. Вежа — конический шалаш из тонкого леса, покрытый хво-

ростом и сверху дерном. Вид таких зеленых, поросших травой жилищ на берегах живописных реке и озер Кольского полуострова производит приятное впечатление на путника. Часто лопари, из обломков (потерпевших крушение кораблей) прибываемых к берегу, строят микроскопические и крайне неудобные избы. Красивая извне — вежа внутри отвратительна. Грязь, неопрятность и тьма царят в ней невозбранно. На груди камней — посредине ее — разложен огонь, дым от которого, наполняя вежу, выходит в отверстие, образуемое верхушкою этого жилья. Вместо постели, лопари, как и дикие самоеды, употребляют оленьи меха. Вежа в высоту достигает до 3 1/2 арш., а диаметр ее основание — 6 арш., - и на этом пространстве ютится иногда семейство, состоящее из мужа, жены и нескольких человек детей. Каким воздухом должны дышать яти несчастные кочевники?

Пищею лопарям служит рыба, оленье мясо, морошка и куропатки, которых терская лопь считает летучими рыбами, с покойною совестью употребляя их и в посты, в других отношениях свято соблюдаемые ими. Не будь

куропатки да рыбы — лопарь погиб бы с голоду в негостеприимном краю своем. Только лет пятьдесят назад лопари стали привыкать к хлебу, который они готовят, смешивая муку с толченою сосновою корою. Лопари в противоположность другим инородцам севера — зырянам и самоедам — почти не едят сырого мяса. Зато вместе с последними они пристрастились к водке. Особенно же любят они норвежский ром, за который готовы отдать и свою рыбу, и своих оленей.

Зимою лопарь носит печок (петшок). Это — меховая рубашка шерстью вверх. Она готовится из оленьих шкур, с рукавами и рукавицами из того же материала. Яры или сапоги шьются из оленьих ног и доходят до пояса. Шапка с ушами из лисьих хвостов дополняет теплый наряд этогономада. Летом норвежский и терский лопарь надевает юпу — та же малица, только из серого сукна, с нашитыми на ней яркими суконными лоскутками, — шерстяной колпак и кеньги. Зимний наряд женщин не отличается от мужского; летом же лапарские *belles-femmes* щеголяют в русских сарафанах и остроносых, загну-

тых кверху башмаках. Серьги тем щеголеватее, чем он громаднее и тяжеловеснее. В том же роде кольца и перстни довершают наряд лопской красавицы. Девушки носят повязки и бисерные ожерелья.

Главное богатство лопаря, как и кочующего самоеда — олени. Без этого кроткого и выносливого животного, человек едва ли бы мог существовать посреди диких пустырей нашего отдаленного севера. Тундры Лапландии переполнены оленями. Они больше ростом и сильнее мезенских, но гораздо трусливее последних. Достаточно одного необычайного звука, приближение незнакомого им предмета, чтобы все стадо шарахнулось в сторону. Как стрела несутся испуганные олени в неоглядную даль. Озера, реки, болота — ничто не останавливает этого отчаянного бега. Десятки и сотни их тонут и вязнут в болотах, другие падают от усталости, и, наконец, совершенно изнеможенное стадо ложится на отдых среди какой-нибудь безжизненной пустыни. Вид этих бешено несущихся животных представляет чрезвычайно грандиозную картину. Еще издали вы слышите гул и гро-

хот, тундра колышится словно во время землетрясение — и вдруг перед вами показывается целый лес ветвистых рогов, устремляющихся куда-то в пространство. Горячее дыхание, топот, свист рассеяемого воздуха — все это на минуту охватывает вас могучим потоком жизни и движения, но спустя минуту мертвая глушь снова вступает в свои права... Опять бесшумный простор ее подавляет вашу душу... Мысль, словно подстреленная птица, падаете — ни слова ни звука!

Стада домашних оленей у лопарей не так многочисленны, как у самоедов, зырян и пустьозеров. Наш лопарь редко имеет более 900 штук голов скота, тогда как соседний норвежский лапландец считает свои стада тысячами голов. Это обстоятельство объясняется недостатком ухода за оленями, характеризующим хозяйственные способности наших лопарей. в то время, когда самоед сам пасет стада свои — лопарь пускает их на произвол судьбы и летом и зимою в отдаленнейшие тундры. Вследствие этой небрежности, олени часто разбегаются, а еще чаще падают жертвами волков. Самые предусмотрительные из ло-

парей загораживают отделенные самую природою урочища легкой изгородью — пускают туда свое стадо и успокаиваются на лаврах. Оленей нужных для еды ловят лопари при помощи собак чивастевами (чивастева — нечто в род аркана).

Лопари в высшей степени религиозны, хотя и до сих пор они, исключая мурманских, не вполне освоились с христианством. С истинами последнего они мешают свои суеверие — последние обломки уже исчезнувшего культа. Почти каждое, выходящее из ряду событие, они сопровождают странными обрядами, имеющими по их понятию глубокое значение и смысл. Они чрезвычайно смирны и миролюбивы. Между ними весьма редки драки и преступления. О семейных несогласиях эти дикари едва ли и слышали. Гостеприимные по своему, они никогда не откажут случайному путнику ни в приюте, ни в куске вареного оленьего мяса, ни в рыбе. О вознаграждении, разумеется, не может быть и речи. Полудикие номады еще не так просвещены, чтобы и из гостеприимства делать выгодную статью дохода.

Зато к числу недостатков этого племени необходимо отнести леность и некоторое лужавство. Они между собою употребляют одно из самых бедных наречий финского корня, которое, впрочем, похоже на финляндский язык столько же, сколько датский похож на немецкий, — но также хорошо владеют и русским языком, на котором поют песни, даже обрядовые и свадебные; свои же, часто монотонный и бедные, употребляются ныне реже и реже даже в отдаленнейших труппах лопской земли.

Лопари чрезвычайно высоко ценят хороших стрелков. Ни одна семья не выдаст девушку замуж за человека, который ни разу не подстрелил дикого оленя. Свадьбы устраиваются родителями, молодые в этом случае совершенно безгласны. Жених вознаграждает за невесту или оленями, или выкупает ее обязательным трудом ее отцу, с которым он живет целый год; по окончании этого срока имеет уже право взять жену в свою вежу и жить с нею отдельно и самостоятельно. Умерших лопари погребают почти голыми, зарывая их прямо в землю. Но, отказывая им в

одежде и гробнице, они щедро снабжают их любимой пищей и промысловыми орудиями. Насыпав над могилою курган, они опрокидывают в него сани, принадлежавшие покойнику. Олени покойного в дело не употребляются. Лопарь убежден, что в противном случае его постигнет смерть.

Весьма редко случается лапландцу жениться на русской или норвеженке. Перед свадьбой лопарь делает невест подарки, с которыми он и приходит к дверям ее вежи. Сопровождающие его родственники входят туда; он же остается снаружи до тех пор, пока родители невесты не позовут его. Тут им подносится водка. Если отец девушки выпьет водки — значить предложение принято; в противном случае лопарь возвращается домой с пустыми руками. После стовора жених часто бывает у своей невесты и поет ей всякий раз нечто в род гимнов ее красоте, трудолюбию и добродетели. Музыкальных инструментов у них нет никаких, хоровое пение также не существует, почему — когда после торжественных обрядов всякий заводит свою песню — общее впечатление весьма неприят-

но. У норвежских лопарей — это скорее рев и крики животных, чем пение людей. Несколько грубый язык еще усиливается угловатость самых песен. Родственники приносят в подарок невест оленей или деньги.

Лапландцы — весьма здоровы. Исключая головных болей, остальные недуги с ними весьма редко случаются. Расстройство желудка они лечат значительными приемами внутрь оленьей крови; от зубной боли пьют тоже оленью кровь. Здесь известна особенно-го рода порча зубов. Внутри последних заводится маленький желтый червячек, с черною головкой. По всей вероятности, лопари обязаны этим страшной неопрятности, в которой живут они и их семейства.

Новорожденным лопари дарят самку оленя. Все рождавшиеся от нее животные принадлежат ему; таким образом лопарь, подрастая, уже владеет своим собственным стадом.

Лопари обращают весьма мало внимание на недужных, и последние смотрят на свою болезнь как на пустяки. Зимой он носят нечто вроде лыжи, благодаря чему бегают с удивительной ловкостью и быстротою, часто

даже перегоняя оленей. Он умеют приготовить из дерева посуду и вырезают из оленьих рогов различные предметы — иногда весьма искусно. Выдолбленный кусок пня служит для их детей люлькою. Дети завертываются в кожи таким образом, что под голову ребенка можно положить лук, шест и кольцо, которым он играет, когда не спит.

Первобытная религия лопарей имеет много общего с культом других племен финского корня. Лапландцы в прежнее время были убеждены, что в горах и море находятся могучие грозные божества. Другие самое море и горы считали богами и в трудных случаях жизни восклицали: «святой камень (такой-то) помоги мне!» Но самые главнейшие божества, по мнению их, находятся: на горизонте, в воздухе, на земле, под землею и в самой середине земли.

На горизонте живет неведомый Радиен — царь неба. Но там же существует и другой бог Зиорав-Радиен — сын Радиена. Дочь Радиена принимает души умерших и отправляет их в пропасть Рата — вечный мрак, где они должны пребывать бесконечно. Там же на небе су-

ществует бог — Равонанекда он печется о произрастании ягеля для оленя, о горах и о сохранении всего живого. Эти четыре божества составляют первую группу лопарского Олимпа. Им приносились бескровные жертвы.

В воздухе пребывают: бог Баве — или солнце — ему лопари молились за то, что он дает тепло и пищу, ему при жертвоприношениях назначались лучшие куски мяса, к нему же обращали в случае болезни кого либо из близких; бог Горенгас — гром, самое злое и свирепое существо, убивающее людей и животных, для умиловивление его также приносились жертвы; бог Гизен-Алмай — бог неизвестный; бог Баддо-Май — властвующий над непогодой и требующий постоянных жертв; Анлекес-Олкан — бог хорошей погоды: на молитвы ему посвящалась пятница.

На земле обитают боги: Лейб-Олмай — бог охоты. Ему необходимо приносить жертвы, чтобы возвращаться обремененным добычей с охоты. Ему молились каждое утро и каждый вечер, причем пелись похвальные гимны в честь его могущества. Киозе-Олмай — бог рыбаков; поклонение ему обязательно только

для последних. Мадеракко — богиня женщин. У нее дочери, из которых первая помогает матерям в родах и унимает муки родильнице — в честь ее лопари пили водку, в жертву же ей приносили сметану; другая из дочерей этой богини, Юкс-Акка, может уже и во чрев матери младенца сына обратить в дочь — это лицо чрезвычайно властное в среде, где сыновья дорого ценятся для охоты и рыбной ловли; третья дочь Сир-Акка сохраняет дитя от недугов и дурного глаза. На земле обитает Сакво-Алмак. Престол его на вершинах гор. Это покровитель чародеев и вещунов. Если последним понадобится его помощь, они выпивают пригоршню воды из источника, текущего у его горы — и тогда на них находить волшебная сила самого бога. Олень колдуна делается после этого чрезвычайно силен и побеждает в драке оленей других чародеев, бог которых слабее Сакво-Алмака. По просьбе колдуна последний может напустить болезнь и умертвить кого угодно, кроме двух только лиц: в Норвегии — лендсмана и его помощника, а в России — исправника и станового. Эти особы изъяты из пределов ведения лопарских

богов. Больной непременно умирает, если колдун не вложит в него душу обратно. Отсюда власть и значение колдунов.

В глубине земли пребывает бог Ямба-Акко, в переводе — мать смерти. Ей следует делать частые приношения, во избежание частых недугов.

Под землей — в ужасной, довременной пропасти Ротта-Аимбо — живут последние неведомые божества, в непосредственное ведение коих поступают все дурно-живущие на земле. Этим богам приносились кости, хвосты, уши и внутренности, убивавшихся на празднествах, оленей.

Накануне праздников лопари приносили жертвы злomu духу Оуло-Гадзе. У колдунов имеется свой штат из мудрых, но второстепенных духов — Ноациде-Гадзе.

Удбоер — таинственный дух, пребывающий над могилами младенцев, коим не дано на земле никакого имени. Часто в долгие зимний ночи слышится вой его над ними, и лопари спешат дать мертвому имя, иначе этой неизбежной музыке и конца не будет. Есть еще чудный зверь-полубог, живущий в тру-

щобах и пещерах; он похож на ребенка и обладает сверхъестественной силой в такой значительной степени, что его лопари будто бы убивают из ружья, ради вкусного мяса. Из глубины пещер его можно выманить не иначе, как поставив у входа кринку с молоком. Как видно, лопари не особенно стеснялись с своими богами!

Убив медведицу, лопарь должен был вынуть печень ее и повесить ее вдали от места охоты. При зачатию ребенка приносился в жертву олень, а при рождении его закапывалась в землю живая собака. Если разрешение от бремени было совершенно счастливо и безболезненно — отец зарывал в землю нескольких животных.

На месте, где убит дикий олень — лопари оставляли рога и ноги его в качестве жертвы богу охоты.

Были особенные места, где лопари приносили жертвы своим богам, предпочтительнее пред другими урочищами. Таковы вершины гор, одиноко посреди тундр возвышающиеся утесы, камни, рассеянные по лесам лопской земли. В Норвежской Лапландии, на озере

Порзангер лопари богу рыбной ловли воздвигли встарь храм, слава которого дошла и до наших лопарей. Близ священных мест своих богов лопарь никогда не осмеливался оставаться долее одного дня, проводимого в молитвах. Он полагал, что плач его детей должен беспокоить божество. Проезжая мимо таких мест, женщины должны были закрывать глаза руками, чтобы не осквернить своим взглядом святости заветной горы или камня.

Мы уже говорили о том, что в настоящее время всё лопари-христиане. Но верование в старых богов крепко держится в народ невежественных номадов, которые время от времени умилоствивляют посильными жертвами темных гениев зла, обитающих и в небе, и в земле, и в воде, и в горах. Лапландцы норвежские также всё обращены в христианство королем Фридрихом V.

Теперь лопари мало-по-малу начинают свыкаться с оседлою жизнью. Предоставленные самим себе на одной из отдаленнейших окраин России, они вполне удовлетворяются убогою обстановкою их бесцветной жизни. Дикие вьюги полюса, долгая зимняя ночь,

скудная почва — не особенно тяжелы для людей, никогда не выдавших ничего лучшего. Но одинокий турист, пересекающий эти безлюдный пустыни, невольно станет тосковать о другом далеком крае, где яснее светит ясное солнце, роскошно ложатся под его лучами тучные нивы, и звонко разносится в ароматном воздухе медленная родная песня, захватывая своими задушевными переливами и мысль, и сердце человека.

А тут — вечное молчание снеговых гладей или назойливый скучный стрекот и гам птицы, переполняющей ненадолго ожившие пустыри.

Но отрешитесь от воспоминаний своего прошлого, сумеете слиться с этою сумрачною природою — и вы поймете дикую красоту этих гранитных гор, этих отвесных каменных берегов, за которыми величаво стелется полярное море с его могучими бурями и льдами.